

ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО СИСТЕМЕ ПРО И РОССИЙСКОМУ СЕКТОРАЛЬНОМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ

Клэр Люсьен

Приглашенный научный сотрудник ПИР-Центра

Введение

Одним из последних прорывов в отношениях между Россией и НАТО стало достигнутое на Лиссабонском саммите 2010 года соглашение о "расширении областей сотрудничества по территориальной противоракетной обороте"¹. Соглашение ознаменовало новый этап в 30-летних дебатах, начало которым положила рейгановская Стратегическая оборонная инициатива, больше известная как программа «Звездных войн».² Идея создания системы обороны от баллистических ракет в Европе родилась еще в 1950-х годах, как в США, так и в России. С тех пор на повестку дня периодически всплывали разные многосторонние и односторонние проекты. Однако до сих пор не существует единого мнения о достоинствах самой идеи ПРО. Ее сторонники считают, что система ПРО укрепляет военную мощь государства (либо целого региона). Они утверждают, что такая система стимулирует технический прогресс и является инструментом геополитического влияния.³ Противники ставят под вопрос эффективность системы и ее сдерживающий потенциал по отношению к странам, которые хотят иметь на вооружении баллистические ракеты.

Со времени избрания президентом Барака Обамы вопрос ПРО "глобализировался" под воздействием нескольких внешних факторов.⁴ Наибольшие опасения вызывает развитие ракетных технологий в Иране, Сирии и Северной Корее. Северокорейские ракеты напрямую не угрожают Европе, однако они могут угрожать России. Что же касается Ирана и Сирии, то здесь повод для беспокойства есть и у России, и у Европы. Перед лицом этой вполне реальной угрозы лидеры стран, представленных на саммите в Лиссабоне, согласились с необходимостью сотрудничества между НАТО и Россией в области ПРО. Они также признали, что такое сотрудничество станет лакмусовым тестом для их будущих отношений. В ходе дискуссий появилось два альтернативных предложения. Первое основано на американском Фазовом Адаптивном Подходе (ФАП). Второе было предложено Президентом Дмитрием Медведевым; в основе его лежит идея «секторальной системы ПРО».⁵ Американское предложение пришло на смену предыдущему американскому проекту Третьего Позиционного Района, который предлагался администрацией Буша. Первые две фазы нового американского плана не создают каких-то особых проблем для России, поскольку имеют в основном односторонний характер. Однако третья и четвертая фаза, как утверждается, ставят под угрозу российский потенциал ядерного сдерживания. Предложение секторальной ПРО заключается в создании "коллективной системы противоракетной обороны по периметру

Евроатлантического региона»⁶, настроенной на перехват ракет из-за пределов региона. По словам российского представителя в НАТО, Дмитрия Рогозина, такая система «будет напоминать двух рыцарей, которые стоят спина к спине, защищаясь от нападения»⁷. Данная статья посвящена рассмотрению позиций европейских стран по проекту секторальной ПРО.

Все европейские страны согласны с тем, что на сегодняшний день система ПРО является необходимостью. Однако степень угроз, с которыми приходится считаться разным странам, а также их собственное понимание этих угроз сильно варьируют. Страны на юге Европы явно находятся в зоне угрозы иранских ракет. Бывшие члены Организации Варшавского Договора больше обеспокоены российским военным развертыванием. Страны «старой Европы» озабочены техническими деталями и стоимостью проекта.⁸ Восприятие угроз и рисков играет в определении национальной политики по вопросу ПРО такую же важную роль, что и военные расчеты.

В этой связи, каким образом различные национальные подходы к противоракетной обороне повлияли на отношение разных европейских стран к предложению Медведева о создании секторальной ПРО? На основании материалов нескольких интервью автора с европейскими дипломатами и экспертами в данной статье будет рассмотрена позиция шести европейских стран. В Западной Европе тремя лидерами в вопросах обороны являются Франция, Великобритания и Германия, однако их мнения относительно роли ПРО не совпадают. В Восточной Европе наиболее убежденными противниками российского предложения являются Польша и Литва. Наконец, Турция, которая традиционно поддерживает тесные отношения с Ираном, объявила о своей позиции по ПРО одной из последних среди стран НАТО. Прежде чем приступить к анализу позиций этих шести государств, сперва необходимо более детально рассмотреть выгоды, которые принесет Европе система ПРО. Это нужно для более четкого понимания позиции разных стран по вопросу секторальной ПРО.

ПРО в Европе: есть ли необходимость и желание?

Мир становится все более опасным. На сегодняшний день НАТО признает, что около 30 стран уже имеют или скоро получат возможность запускать баллистические ракеты, способные нанести удар по территории Европы. Турецкий дипломат, с которым я беседовал при подготовке данной статьи, заявил, что «ответственность за обеспечение безопасности своей территории и населения несут прежде всего сами государства». Он также сказал, что «в рамках НАТО мы ведем разговор об общих угрозах; возможно, эти угрозы - дело не завтрашнего дня, однако мы чувствуем, что ситуация становится все более опасной».⁹

В ответ на угрозу «распространения оружия массового поражения, установленного на баллистические средства доставки»¹⁰, НАТО еще в 2002 году приняло решение о начале создания системы ПРО театра военных действий (ПРО ТВД) для защиты отдельных областей или военных контингентов от ракет ближней и средней дальности. В начале декабря 2010 года были успешно протестированы интегрированные компоненты управления этой системы; ²⁷

января 2011 года они были переданы военному командованию НАТО. Успех проекта ПРО ТВД показывает, что европейские страны давно имеют заинтересованность в данном вопросе. Решения, принятые на саммите НАТО и заседании Совета Россия-НАТО в Лиссабоне, являются лишь последними в серии шагов, предпринятых в ответ на растущую угрозу.¹¹ Поэтому в целом ПРО не является чем-то новым для Европы, однако в последнее время эта тема привлекает к себе повышенное внимание в связи с проектом создания территориальной ПРО.

Хотя система территориальной ПРО имеет некоторые неоспоримые преимущества, она также является источником многочисленных рисков, которые следует принять во внимание. С одной стороны, как заявил один литовский дипломат, «НАТО как организация имеет наилучшие возможности для создания эффективной системы ПРО для своих членов». Однако дипломат настаивает на том, что принимать участие в создании системы должны, в меру своих сил, все члены альянса, т.к. это требуется для поддержания и укрепления «принципов солидарности и неделимости».¹² Фактически одним из основных рисков при воплощении проекта ПРО является так называемая "дилемма альянса". Великие державы из числа членов НАТО окажутся перед выбором: либо оказаться втянутыми в проблемы более слабых членов, либо "бросить их на произвол судьбы", игнорируя их интересы.¹³

Другие преимущества территориальной ПРО в Европе напрямую связаны с распространением ядерного оружия. По мнению Оливера Транерта, щит территориальной ПРО будет распространяться как на ядерные, так и на неядерные державы, делая обладание ядерным оружием менее привлекательным и не предоставляя ядерным державам какого-то особого статуса в Европе.¹⁴ Наконец, ПРО снижает остроту давней проблемы, связанной с баллистическими ракетами: «верификация и стабильность в контексте возвратного потенциала». Эту идею защищает Дин А. Вилкенинг; он заявляет, что с одной стороны, инфраструктуру для баллистических ракет труднее скрыть, чем потенциальное ядерное оружие. Поэтому упрощается процесс верификации и соответственно возрастает доверие между партнерами. С другой стороны, «в случае введения всеобщего запрета на баллистические ракеты система защиты от таких ракет станет подстраховкой против нарушителей».¹⁵

Все риски и преимущества создания территориальной ПРО в Европе взвешены в натовском Исследовании целесообразности и осуществимости системы противоракетной обороны (Missile Defense Feasibility Study).¹⁶ В этом анализе приняты во внимание четыре основных аспекта: анализ угроз, технология, стоимость и политическая воля сторон. Что касается первого аспекта, то НАТО регулярно пересматривает и обновляет свой анализ угроз. Роберт Белл, американский советник по вопросам обороны в НАТО, так охарактеризовал текущую ситуацию с угрозами в своем выступлении на конференции по ПРО, проведенной американским Институтом авиации и астронавтики: «Баллистические ракетные системы становятся все более эффективными. Увеличивается их дальность. Несколько государств разрабатывают системы с ядерными, химическими и/или биологическими боеголовками и баллистическими средствами доставки. По мере увеличения дальности ракет в зону риска попадает все большая часть территории и населения НАТО»¹⁷. Во-

вторых, был изучен вопрос об осуществимости проекта и эффективности существующих технологий. Американская система на сегодня является единственным реальным вариантом для развертывания в Европе, поскольку США уже вложили большие инвестиции в разработку таких технологий. С 1985 года финансирование американского Агентства противоракетной обороны составило 132,6 миллиарда долларов.¹⁸ По мнению Р. Белла такая ситуация не усугубит зависимость Европы от Америки в оборонных вопросах, поскольку одной из задач проекта является подключение «национального потенциала других стран [а также существующего или будущего потенциала НАТО]». ¹⁹ Польское правительство придерживается того же мнения: по словам одного польского дипломата, «за последние 60 лет у США появилась реальная заинтересованность в поддержании безопасности в Европе, основанная на политических, экономических и военных соображениях. Никакого противоречия между американским планом ФАП и интересами укрепления европейской безопасности не существует». ²⁰ Однако побеседовавший с нами французский дипломат считает, что внедрение ФАП усилит зависимость Европы от американских технологий в силу существующего технологического отрыва Америки от Европы. ²¹ При этом оценка угроз и вопросы технологии являются не единственными проблемными областями. Работа системы ПРО не сводится к запуску одной ракеты, чтобы сбить другую. Требуется проделать огромный объем работы еще до запуска; сюда входит мониторинг, обнаружение и обработка информации. Поэтому затраты будут очень велики, и в связи с этим возникает вопрос: учитывая текущие сокращения военных бюджетов по всей Европе, оправдывает ли существующий уровень угрозы такие затраты? НАТО пришло к выводу о том, что стоимость расширения существующей ПРО ТВД до уровня территориальной ПРО составит всего около 200 миллионов долларов. ²² На политическом уровне союзники по НАТО настояли на том, чтобы территориальная ПРО стала прежде всего натовским проектом, не направленным против каких-то конкретных государств, а ставящим своей целью укрепление безопасности территории НАТО. Как подчеркнул турецкий дипломат, «Турция решительно настаивала на том, чтобы в ходе дискуссий и в тексте документов по данному вопросу ни на кого не указывалось пальцем», поскольку в области ПРО «указывание пальцем на конкретные страны загоняет их в угол, они начинают предпринимать определенные ответные действия, и в итоге ситуация с безопасностью становится только хуже». ²³

Таким образом, в ответ на вопрос о том, нужна ли Европе система ПРО, все рассматриваемые нами страны согласны с необходимостью создания системы территориальной противоракетной обороны. Поэтому я считаю, что американо-натовский проект, представленный и одобренный на саммите НАТО в Лиссабоне, будет воплощаться в жизнь. Однако, как будет показано ниже, европейский консенсус в данной области оказывается весьма поверхностным, если глубже изучить вопрос о целях и задачах данного проекта, а также вопрос о том, следует ли подключать к нему Россию - и если да, то каким образом.

Есть ли консенсус по задачам системы ПРО между изученными странами?

На сегодняшний день в Европе есть консенсус относительно того, что создание территориальной ПРО необходимо. Не подлежит сомнению, что достижение этого консенсуса на саммите в Лиссабоне стало огромным шагом вперед по

сравнению с тем раздором, который вызвал предыдущий американский проект. Однако при ближайшем рассмотрении национальных позиций шести стран, которые фигурируют в данной статье, нельзя не заметить различий в интерпретации и мотивации. Прежде всего, разные европейские государства по-разному воспринимают международное сообщество. Кроме того, за последние пару лет национальные позиции претерпели определенную эволюцию. Некоторые страны, например, Франция, кардинальным образом изменили свое отношение к проекту. Позиция других стран, таких как Польша, не претерпела особых изменений. Наконец, разница в национальных позициях и восприятиях порождает явные различия в подходах к ПРО; при этом все эти подходы в основном вращаются вокруг аргументов, приводимых Францией и Германией.

Чтобы понять, как разные страны воспринимают ПРО, необходимо четко понимать, как эти страны оценивают ситуацию на международной арене. Особо важно отношение стран к стратегической концепции НАТО и к угрозе со стороны Ирана. Что касается первого вопроса, то понимание иерархии целей НАТО слегка отличается между разными странами. Основные различия лежат в области баланса между коллективной безопасностью и операциями вне зоны ответственности. Хотя ни один из союзников по НАТО не подвергает сомнению Статью 5, некоторые страны, в том числе Балтийские государства, Польша и Турция, придают особое значение коллективной безопасности. Балтийские государства особенно упорно настаивают на важности принципа равной безопасности; они считают, что операции вне зоны ответственности не должны ослаблять безопасность самого альянса. Польша стремится к укреплению коллективной обороны путем построения более прочных трансатлантических связей и усиления американского присутствия в Европе. Турция, в силу своего нестабильного геополитического окружения, вынуждена в большей степени полагаться на зонтик НАТО. В то же время все эти страны придерживаются более "либерального" подхода к операциям НАТО вне зоны ответственности по сравнению с Францией, Германией или Великобританией, которые считают, что НАТО не может выполнять роль всемирного полицейского, и что такие операции должны проводиться лишь в исключительных случаях, при наличии прямой угрозы безопасности стран НАТО.²⁴ Что касается иранской угрозы, то все страны понимают ее реальность, но не в одинаковой степени. В настоящее время всем известно, что Иран имеет техническую возможность запускать баллистические ракеты малой и средней дальности. В мае 2009 года Иран провел успешный запуск двухступенчатой твердотопливной ракеты Седжил-2 класса земля-земля. Дальность ракеты, как подтвердили американские официальные лица,²⁵ составляет 2000-2500 км. По словам французского дипломата, вопрос иранской угрозы заключается не в наличии у Ирана баллистических ракет, а в их дальности.²⁶ Единственным исключением среди рассматриваемых шести стран является Турция. В связи со своими тесными политическими и экономическими связями с иранским режимом Анкара «опасается потенциальных последствий в Иране».²⁷ Будучи соседкой Ирана, Турция, конечно же, не хочет развития иранской ядерной программы. Однако, по словам турецкого дипломата, Анкара «не видит причин, по которым некоторые страны, упоминаемые в контексте угроз, могут в настоящий момент пожелать нанести ракетный удар по европейской стране. Иметь на вооружении ракеты – это одно дело, а пустить их в дело – совсем другое».²⁸ Российская позиция по Ирану очень близка к турецкой: признавая опасность иранской политики в области пролиферации

баллистических ракет, Москва, тем не менее, считает, что эту угрозу можно держать под контролем.²⁹

Приняв во внимание все эти мнения, теперь мы можем перейти к рассмотрению различий в позиции разных стран по вопросу ПРО и эволюции этих позиций за последние несколько лет. В этом плане шесть стран, рассматриваемых в данной статье, разделились на три группы. К первой группе можно отнести Великобританию, Польшу и Литву, которые неизменно поддерживали проект ПРО. Еще в 1998 году Великобритания признала в своем Стратегическом оборонном ревью, что пролиферация баллистических ракет представляет собой опасность. Однако тогда в Англии считали, что эта опасность может перейти в разряд прямой угрозы "лишь через много лет". С тех пор в каждой новой редакции документа (2002, 2003 и 2008 годы) указывалось на продолжение пролиферации баллистических ракет, однако утверждалось, что «в настоящее время ни одно государство не имеет одновременно и намерения, и технической возможности поставить под прямую ядерную угрозу Соединенное Королевство или его жизненные интересы. Но мы не можем исключить риск того, что такая угроза возникнет в будущие десятилетия».³⁰ Такая позиция сохранилась и в 2010 году в новом издании Национальной стратегии безопасности. В документе сказано, что "нападение другого государства или контролируемых другими государствами групп на Соединенное Королевство или принадлежащие ему территории с применением химического, биологического, радиологического или ядерного оружия" является приоритетом второго плана, поскольку, хотя последствия такого нападения были бы тяжелыми, его вероятность невелика.³¹ В вопросе о европейской системе ПРО наиболее решительным сторонником США является Польша. По словам Е. Хорожко, «Варшава в данном вопросе заняла выжидательную позицию – иными словами, в Варшаве ждут, когда наконец Вашингтон примет окончательное решение».³² Позиция Польши, по словам дипломата, может быть охарактеризована следующим образом: Польша чувствует на себе обязательство обеспечить безопасность своего региона, а система ПРО способна значительно укрепить безопасность Балтийских государств и членов Вышеградской группы. На национальном уровне в Польше существует консенсус в поддержку плана ФАП, который будет внедряться силами НАТО. Такого консенсуса не существовало относительно плана Третьего позиционного района, который вызывал разногласия в гражданском обществе, особенно в тех местных общинах, где должны были располагаться элементы системы ПРО.³³ Наконец, Литва также является убежденным сторонником создания системы ПРО в Европе под эгидой НАТО. На это есть три основные причины. Во-первых, Вильнюс не имеет возможности разрабатывать такую систему самостоятельно. Во-вторых, проект укрепляет трансатлантические связи. И в-третьих, он внесет вклад в упрочнение безопасности и стабильности в регионе.³⁴

Во вторую группу стран входят Франция и Германия, которые изменили свою позицию и теперь поддерживают проект, хотя и высказывают обеспокоенность отдельными его аспектами. Как пояснил один немецкий эксперт, Берлин явно был настроен против плана ПРО, предлагавшегося Бушем, поскольку считал, что он был направлен против России. Что же касается плана ФАП, то Германия готова внимательно изучить предлагаемые им возможности в области территориальной обороны стран НАТО. Однако эксперт подчеркнул, что

приоритетом для Берлина остается система ПРО ТБД.³⁵ Франция с неприятием относилась к идее территориальной ПРО, поскольку Париж всегда стремился сохранить свою ядерную независимость и поэтому считал систему ПРО попользованием против собственного потенциала ядерного сдерживания. Однако в последние годы французское правительство осознало, что альтернативы присоединения к плану ФАП не существует. Как сказал французский дипломат, поскольку ФАП был расписан от А до Я (доктринально, технологически и финансово) американцами, которыми движет параноя после событий 11 сентября, проект будет внедрен вне зависимости от того, присоединится ли к нему Париж. Поэтому Франция решила запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда, чтобы иметь голос в принятии решений и внести собственный вклад в виде систем обнаружения и радаров.³⁶

Наконец, Турция всегда сохраняла тщательный нейтралитет по данному вопросу. Основной причиной такого нейтралитета являются турецкие связи с Ираном. Даже на внутривластном уровне «турецкое общественное мнение не слишком поддерживает проект, поскольку не видит для него повода в виде какой-то угрозы». Как пояснил турецкий дипломат, каждый год в Турцию приезжает более миллиона иранских туристов, и для Турции это является «важным инструментом мягкой силы».³⁷

Все вышеописанные разногласия должны быть приведены к общему знаменателю для полного понимания вторичных целей, которые преследуют Европейские страны в процессе построения системы ПРО. Перед саммитом в Лиссабоне поднимался вопрос связи между политикой сдерживания и ПРО. Как ни странно, дебаты вращались вокруг разногласий между Францией и Германией. Поскольку Германия не является ядерной державой, в военных вопросах она не настолько сильно полагается на политику сдерживания, как Франция. Немецкий эксперт охарактеризовал позицию своей страны следующим образом: ПРО в Берлине рассматривается как альтернатива традиционному ядерному сдерживанию.³⁸ Такой тип мышления выводит на первый план переход от «наступательного стратегического баланса» к «оборонительному стратегическому балансу», а значит, позволяет Европе «оставить в прошлом принцип гарантированного взаимного уничтожения», сокращая риск удара на опережение либо несанкционированного удара, а также стимулируя снижение боевого статуса арсеналов.³⁹ Однако Франция является ядерной державой, и в этом смысле она и Россия находятся в очень похожем положении. По мнению французского дипломата, третья и четвертая фаза плана ФАП подрывают французский и российский потенциал сдерживания и, наоборот, усиливают американский, поскольку эти фазы явно непропорциональны масштабам угрозы со стороны Ирана. "Мы признаем, что иранская угроза достаточно серьезна, чтобы принимать ее в расчет - однако она недостаточно серьезна, чтобы из-за нее подрывать наш потенциал сдерживания. Мы требуем, чтобы будущая система ПРО не ставила под угрозу наш потенциал сдерживания, как на техническом уровне, так и на концептуальном."⁴⁰ Однако французское правительство признает тот факт, что американский проект в любом случае будет воплощаться в жизнь, и поэтому пошло на компромисс. Париж признает необходимость в системе ПРО на сегодняшний день, однако считает эту систему дополнением стратегии ядерного сдерживания, а не ее заменой.⁴¹ Наконец, в данной дискуссии важна позиция Англии, которая является единственной, кроме

Франции, ядерной державой в Европе. В Белой книге по оборонной политике редакции 2003 года Великобритания заявила, что «наш минимальный потенциал сдерживания, который в настоящее время представлен ракетами Трайдент, вероятно, останется необходимым элементом нашей безопасности», и что «ракеты-перехватчики и другие противоракетные средства смогут справиться лишь с ограниченной по масштабам баллистической ракетной угрозой, поэтому они не являются заменой ядерному сдерживанию или другим формам сдерживания».42 Поэтому позиция Великобритании очень близка к французской. Однако Лондон все еще не пришел к окончательному выводу относительно «правильного баланса между инвестициями в [ПРО], силы ядерного сдерживания, прочие формы сдерживания и другие оборонительные и превентивные стратегии». В Англии также придерживаются точки зрения о том, что США должна принадлежать более весомая роль в области ПРО.

В этом разделе статьи мы разобрались в позициях разных стран по вопросу восприятия уровня угрозы, понимания роли НАТО и мнений относительно необходимости и требований к системе ПРО. Однако с тех пор, как был проведен саммит в Лиссабоне, где 28 государств приняли решение «разрабатывать противоракетную систему, способную защищать все население, территорию и силы НАТО в Европе»,43 все вышеупомянутые разногласия были сглажены. На данный момент союзники по НАТО перешли к попыткам интегрировать в будущую систему ПРО Россию.

Зачем сотрудничать с Россией, и как восприняли российское предложение в изученных странах?

На саммите Совета Россия-НАТО (СРН) в Лиссабоне Россия согласилась «изучить возможности для сотрудничества в области ПРО в духе взаимности, максимальной прозрачности и взаимного доверия».44 Это сотрудничество покажет, как станут развиваться будущие отношения. Однако было бы опасно иметь слишком высокие ожидания относительно успеха данного проекта. Придавая такое большое значение успеху сотрудничества по данному вопросу, США и Россия рискуют превратиться в заложников политической конъюнктуры. В этой связи, по мнению Джимми Рака и соавторов, европейские страны должны сыграть важную роль в создании «позитивной атмосферы для сотрудничества».45 Данный раздел статьи преследует три основные цели. Во-первых, будет показано, почему сотрудничество принесет пользу всем сторонам. Во-вторых, будут проанализированы позиции отдельных европейских государств по российскому секторальному предложению, а также попытка понять, почему это предложение было столь прохладно встречено в Европе. Наконец, учитывая такое резкое неприятие российского предложения, необходимо поразмышлять над тем, насколько серьезно следует воспринимать российские угрозы в случае, если проект провалится.

По моему мнению, чем более открыто будет международное сообщество к сотрудничеству с Россией, тем больше будет стремиться к такому сотрудничеству и сама Россия. Будучи настоящим евразийским государством, Россия испытывает трудности в поиске собственного пути. Поэтому с ней следует поддерживать тесные отношения, а не загонять ее в угол. Кроме того, сотрудничество в данной области будет выгодно обеим сторонам. По мнению

немецкого эксперта, возможности НАТО по обнаружению могут быть серьезно усилены за счет данных российских радаров в Армавире и Габале, а также за счет проектов по строительству новых баз в Армении и вдоль южных границ России.⁴⁶ Для самой России сотрудничество с НАТО тоже было бы весьма полезным, поскольку ее территория уже лежит в пределах досягаемости иранских и северокорейских ракет, а также поскольку ее векторы пока не показали себя настолько же эффективными, что и американские. Хотя все шесть стран разделяют идею взаимовыгодного сотрудничества, все еще остаются несогласованные вопросы, касающиеся окончательных стадий такого сотрудничества. С одной стороны, Великобритания говорит о необходимости мер по укреплению доверия с Россией и нацеливании сотрудничества с ней на иранскую проблему. С другой стороны, Турция считает, что нужно установить "более глубокие отношения между Россией и НАТО".⁴⁷ Для Анкары совместная работа по ПРО - важный первый шаг, однако этим сотрудничество ограничиваться не должно. Промежуточную позицию занимают Польша и Литва. Они остаются открытыми для сотрудничества с Россией, особенно в связи с постепенным улучшением двусторонних отношений в течение прошлого года. При этом Польша одобрила идею поэтапного подхода, полагая, что «сотрудничество следует начинать с регулярного обмена информацией, мониторинга ракетных угроз и раннего оповещения».⁴⁸ В этой связи в Варшаве положительно восприняли предложение о создании совместного центра обработки данных, сделанное Президентом Медведевым в Лиссабоне. Задачей такого центра будет «получение общей радарной картины, чтобы каждая сторона отслеживала возможное ракетное нападение», а в дальнейшем к этому сможет добавиться планирование и координирование «возможных совместных действий против общего противника».⁴⁹ Балтийские страны признают, что "Россия является важным партнером в решении проблем безопасности". Однако они подчеркивают, что «сотрудничество не должно происходить в ущерб ключевым ценностям альянса».⁵⁰ Наконец, поскольку Франция и Россия оказались в похожей ситуации, Париж считает, что Россию необходимо подключить к процессу как можно скорее, пока не иссяк импульс, приданный процессу сотрудничества на Лиссабонском саммите. Поэтому Франция отстаивает идею тесного сотрудничества с Россией, которое должно начинаться прежде всего на военном, а не на политическом уровне.⁵¹

Несмотря на эти незначительные разногласия, со всех сторон существует необходимая политическая воля к эффективному сотрудничеству. Однако в силу природы самой проблемы и ее решения, все еще остаются две серьезные сложности – одна техническая, вторая политическая - которые нужно будет преодолеть. На техническом уровне, оставляя пока за скобками вопрос технических стандартов и неизбежных ограничений на передачу технологий,⁵² наиболее серьезной проблемой является вопрос центра управления системой ПРО. Поскольку на решение о запуске ракеты-перехватчика будут лишь считанные минуты, приниматься оно должно будет одним человеком. На политическом уровне наибольшей проблемой является угроза, которую будет представлять собой для России развертывание третьей и четвертой фазы плана ФАП. Как пояснил французский дипломат, проблема не в ракетах-перехватчиках, поскольку они все равно не смогут остановить российские баллистические ракеты. Проблема заключается в радаров, расположенных в Восточной Европе, поскольку они предоставят НАТО очень точную картину

всего происходящего в небе России.⁵³ Похоже, основная сложность здесь заключается в разном восприятии проблемы. Россия все еще воспринимает НАТО - или, по крайней мере, отдельные аспекты натовской политики – как основную угрозу своей безопасности. Однако для самого альянса Россия в списке приоритетов находится далеко не на первом месте. Основное внимание НАТО сконцентрировано на проблемах ближневосточного и средневосточного происхождения.⁵⁴

Именно опасения России за свой потенциал ядерного сдерживания заставили Москву выйти с предложением секторального подхода. Нужно согласиться с мнением французского дипломата: Россия сделала сильный ход. Несмотря на приход новой американской администрации, очень сильно отличающейся по своим взглядам от предыдущей, Америка продолжает упорно продвигать проект европейской ПРО. Это показывает, что данный проект будет идти вперед, что бы ни делала Москва. Согласившись на сотрудничество в области ПРО, Кремль не допустил ситуации, при которой он остался бы за бортом процесса. А предложив альтернативный проект, он сумел затормозить этот процесс.⁵⁵ Тем не менее, предложенная Россией альтернатива с самого начала подверглась резкой критике со стороны всех шести рассматриваемых европейских стран. Постоянно выдвигается аргумент о том, что секторальный подход идет вразрез со Статьей 5 Вашингтонского Договора. Представители Франции, Германии, Литвы и Польши согласны в том, что долю ответственности за безопасность территории НАТО нельзя отдавать на откуп России. Предложение Москвы защищать Балтийские государства, Финляндию и Восточную Европу выглядит парадоксально, учитывая историю их отношений. Но даже если не принимать этот парадокс во внимание, факт остается фактом: если НАТО даст третьей стороне право голоса в вопросе о том, как альянсу следует защищать собственную территорию, то безопасность членов альянса от такого решения только пострадает. На эту тему европейской стороной уже было сделано множество заявлений, в том числе заявление Президента Литвы Д. Грибаускайте: "НАТО – это НАТО. НАТО никогда не станет совместной организацией. Сотрудничество должно заключаться в обмене информацией об общих противниках".⁵⁶ Такие пессимистические взгляды становятся более понятными, если учесть важность коллективной безопасности для всех европейских стран, особенно постсоветских.

Помимо несовместимости секторального подхода со Статьей 5, несколько европейских государств выдвигают и другие причины, которые, по их мнению, делают такой проект нереальным. Для Германии оригинальность российского предложения представляет определенный интерес – но это предложение не рассматривается как приоритет для сотрудничества. Более важная роль отводится оценке угроз и техническим вопросам, как и заявлено в коммюнике саммита в Лиссабоне. В связи с чувствительностью вопроса немецкий эксперт считает, что необходимо применять как можно более прагматичный подход к сотрудничеству.⁵⁷ Польша согласна с предлагаемым "постепенным, поэтапным" подходом, однако настаивает на том, что необходимо сохранить "автономию архитектуры двух систем, их центров управления и ракет-перехватчиков".⁵⁸ Наконец, по мнению французского дипломата, секторальный подход был отвергнут Парижем не только из соображений коллективной безопасности, но и из-за своей технической неосуществимости, поскольку он не

предлагает эффективного механизма принятия решений и не дает ответа на вопрос о том, кто отдает команду на запуск. По сути дела, Франция считает, что секторальный подход «не является оптимальной системой для предотвращения нападения». Однако похоже, что Париж не слишком противился бы идее создания «уникальной системы с центром управления в Германии».59 Такая частичная открытость российскому предложению также обнаруживается в позиции Турции. Несмотря на то, что и НАТО, и Россия должны обеспечивать свою собственную безопасность, турецкий дипломат признает, что российский подход к ПРО, «при котором некоторые восточноевропейские государства будут защищаться российским зонтиком», имеет определенные преимущества – однако воплотить его будет трудно в силу очевидных причин с европейской стороны. Он считает, что «сотрудничество, вероятно, не примет форму той более или менее единой системы, которую предлагает Россия - однако мы, скорее всего, сумеем выйти на такое решение, которое укрепит безопасность и России, и НАТО, открывая перспективы для более тесного сотрудничества».60

Столкнувшись с таким практически единогласным неприятием российского предложения по секторальной ПРО в Европе, Медведев предупредил, что в течение следующего десятилетия "либо мы достигнем соглашения по ПРО и создадим полноценный механизм сотрудничества [с НАТО], либо (если мы не сможем прийти к конструктивному соглашению) мы увидим новую эскалацию гонки вооружения».61 Представители европейских государств, с которыми я общался при подготовке данной работы, сочли подобные угрозы весьма серьезными. Особенно это касается государств, граничащих с Калининградской областью. Однако те страны, которые имеют общие границы с основной территорией России, с большой неохотой обсуждали данный вопрос. При этом представители Франции и Германии были более открыты. В этом вопросе их мнение сходится: они считают такие угрозы весьма серьезными. Однако возобновление гонки вооружений не будет в интересах самой России. Как сказал французский дипломат, «Сегодня у России нет необходимых ресурсов – однако она их легко может найти, пожертвовав модернизацией своих вооруженных сил».62 При этом Россия имеет достаточный научный и технический потенциал, чтобы разработать систему, способную пробить любой европейский противоракетный щит. Немецкий эксперт заявил, что «если не будет выработан механизм сотрудничества между Россией и НАТО, России, конечно же, придется на это реагировать», чтобы поддержать стратегический баланс. Однако это уже будет вопрос суверенного решения на уровне отдельной страны.63 За угрозами Медведева и агрессивной риторикой стоит реальная обеспокоенность за российский потенциал ядерного сдерживания. Статус ядерной державы играет центральную роль в российском самосознании, поскольку позволяет поддерживать особые отношения с США. Поэтому Кремль также выдвинул предварительное условие для любого сотрудничества в области ПРО: он требует юридически обязывающих гарантий того, что система ПРО не будет нацелена на российские силы ядерного сдерживания. Союзники по НАТО не могут принять такое условие. На то есть две основные причины. Во-первых, с технической точки зрения система ПРО не может быть ограничена рамками определенной территории; ее зона действия неизбежно выйдет за границы территории стран НАТО. Во-вторых, Вашингтон ясно дал понять, что он будет внедрять план ФАП вне зависимости от того, присоединится ли к проекту Россия. Белый Дом поставил себе задачу разместить в Европе ракеты-перехватчики, способные

сбивать иранские баллистические ракеты, к 2020 году, и эта позиция не является предметом торга.

Подводя итоги данного раздела, можно констатировать очевидный парадокс. Политические элиты всех стран признают чрезвычайную важность сотрудничества для обеспечения безопасности на Европейском континенте. Однако, на мой взгляд, политизация вопроса противоракетной обороны и слишком высокие ожидания от сотрудничества в данной области со стороны и НАТО, и России, продемонстрированные на саммите в Лиссабоне, могут помешать внедрению данного проекта и положить конец улучшению отношений между Россией и НАТО.

Заключение

С ноября 2010 года вопрос противоракетной обороны остается на первых строках повестки дня Совета Россия-НАТО. На рассмотрение вынесены два предложения. НАТО и США выступают за создание двух отдельных, но скоординировано работающих систем ПРО. Россия предлагает единую совместную систему на основе секторального подхода. Окончательное предложение будет представлено на заседании министров обороны СРН в июне 2011 года - но уже сейчас нарастает скептицизм относительно осуществимости проекта. На сегодняшний день, учитывая жесткую позицию в вопросе об архитектуре системы ПРО, занятую и НАТО, и Россией, способность двух сторон прийти к взаимоприемлемому соглашению весьма сомнительна.

В данной статье, основанной на беседах с дипломатами из шести европейских стран, были проанализированы истоки европейской позиции по противоракетной обороне и предложен ответ на вопрос о том, почему европейские государства не могут принять секторальный подход:

- Для Германии основная проблема кроется в «политической перегруженности» российского предложения. Секторальный подход требует от европейцев поставить во главу угла политическую архитектуру, а не практические соображения.
- Будучи одной из двух европейских ядерных держав, Великобритания продемонстрировала на удивление слабый интерес к данному вопросу.
- Париж выступает за принятие такого решения, которое «вовлекает Россию в процесс на как можно более ранних стадиях». Но он считает, что секторальный подход не является правильным решением, поскольку он слишком политизирован и может пустить под откос все переговоры.
- Для Польши секторальный подход «полностью неприемлем, поскольку он резко противоречит Статье 5 Вашингтонского Договора».
- Литва считает, что для поддержания импульса, приданного процессу на саммите в Лиссабоне, к вопросу противоракетной обороны следует подходить осторожно и прозрачно. При условии, что Россия и НАТО будут самостоятельно защищать свою собственную территорию, сотрудничество в области ПРО «укрепит безопасность и стабильность» в регионе.
- Турция считает, что ключом к решению проблем на всех фронтах является диалог и взаимодействие. Поэтому она заняла наиболее гибкую

позицию по сравнению с другими странами. Анкара надеется, что «в вопросе противоракетной обороны будет найдено такое решение, которое укрепит безопасность всех участников и будет способствовать развитию сотрудничества между НАТО и Россией».

¹ NATO Missile Defense, http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49635.htm (последнее посещение 20 апреля 2011 г.)

² Ali Sarihan, Amy Bush, Lawrence Summers, Brent Thompson, Steven Tomaszewski, "Ballistic Missile Defense in Europe", *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, 8: 3 (2009), p.22

³ Jimmy A. Ruck and al., "The US Plans for Ballistic Missile Defense: impact on international security and US-Russia relations", *The Stanford US-Russia Forum Journal Volume 1 (2009-2010)*, p.29

⁴ Michel Asencio, « Le C2 et la défense antimissile balistique européenne en 2009 », *Fondation pour la Recherche Stratégique Recherches & Documents Volume 10 (2010)*, p.25

⁵ Stephen Fidler, "Russia rebuffed on missile offer", *The Wall Street Journal*, November 26, 2010

⁶ Там же.

⁷ Andrew Weiss, "The Kremlin's Bold Missile Defense Gambit", *The Moscow Times*, January 27, 2011

⁸ Bruno Gruselle, "La defense anti-missile" in "Dissuasion, proliferation, desarmement: le debat nucleaire apres 2010", *Etudes et debat n°3, Fondation pour la Recherche strategique (2010)*, p.20

⁹ Интервью автора с турецким дипломатом, Москва, апрель 2011 г.

¹⁰ Robert Bell, "The why, what and how of missile defense at NATO", *AIAA MD Conference*, March 21, 2011

¹¹ NATO Missile Defense

¹² Интервью автора с литовским дипломатическим источником, Москва, 21 марта 2011 г.

¹³ Raimo Vayrynen, "Controversies Over Missile Defense In Europe", *Working Paper, The Finnish Institute of International Affairs (2009)*, p.17

¹⁴ Oliver Thränert, "NATO, Missile Defense and Extended Deterrence", *Survival*, 5:6 (2009), p.72

¹⁵ Dean A. Wilkening, "Nuclear Zero and Ballistic-Missile Defense", *Survival*, 52:6 (2010), p. 112-113

¹⁶ NATO Press Release, "NATO Missile Defense Feasibility Study", September 26, 2003 <http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-109e.htm> (accessed April 27, 2011)

¹⁷ Bell, "Why, what and how"

¹⁸ Финансирование Агентства Противоракетной Обороны с 1985 по 2010 год, <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf> (последнее посещение 20 апреля 2011 г.)

¹⁹ Bell, "Why, what and how"

²⁰ Интервью автора с дипломатическим источником, Москва, 4 апреля 2011 г.

²¹ Интервью с французским дипломатом

²² Anders F. Rasmussen, *Monthly Press Briefing May 5, 2010*, http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_63153.htm (последнее посещение 20 апреля 2011 г.)

²³ Интервью с турецким дипломатом

²⁴ Beata Gorka-Winter and Marek Madej, "NATO Member States and the New Strategic Concept: An Overview", *The Polish Institute of International Affairs (March 2010)*

²⁵ Иранская баллистическая ракетная программа <http://www.iranwatch.org/wmd/wmd-iranmissileessay.htm> (апрель 2010 г.) (последнее посещение 19 апреля 2011 г.)

²⁶ Интервью автора с французским дипломатом, Москва, 18 апреля 2011 г.

²⁷ Dorian Jones, "As summit begins, NATO missile shield a test of Turkey's allegiance", *Deutsche Welle* November 19, 2010

²⁸ Интервью с турецким дипломатом.

²⁹ "The Future, With or Without a Joint Missile Defense?", conference at Carnegie Moscow Center, April 11, 2011

³⁰ Cabinet Office, "The National Security Strategy of the United Kingdom", 2008

³¹ Cabinet Office, "The National Security Strategy of the United Kingdom", 2010

³² Elisabeta Horoszko, "Missile Defense: A view from Warsaw", *Working Paper, Stiftung Wissenschaft und Politik (2009)*, p.3

³³ Интервью с дипломатическим источником

³⁴ Интервью с литовским дипломатом

³⁵ Интервью автора с немецким экспертом, Москва, 9 марта 2011 г.

³⁶ Интервью с французским дипломатом.

³⁷ Интервью с турецким дипломатом

³⁸ Интервью с немецким экспертом

-
- ³⁹ Wilkening, “Nuclear zero”
- ⁴⁰ Интервью с французским дипломатом.
- ⁴¹ Julia Zamesnik, “Obama’s European Missile Defense Strategy: Will France Play Nice?”, The Monitor (Winter 2010)
- ⁴² United Kingdom, Ministry of Defense, “Delivering Security in a changing world”, Defense White Paper (December 2003)
- ⁴³ “Lisbon Summit Declaration”, NATO Press release, November 20, 2010
- ⁴⁴ Там же
- ⁴⁵ Jimmy A. Ruck, Anna Saakyan, Igor Tomashov, and William Treseder, “The US Plans for Ballistic Missile Defense: An Impact on International Security and US-Russia Relations”, The Stanford US-Russia Forum Journal Volume 1 (2009-2010)
- ⁴⁶ Интервью с немецким экспертом
- ⁴⁷ Интервью с турецким дипломатом
- ⁴⁸ Интервью с дипломатическим источником
- ⁴⁹ Permanent mission of Russia to NATO, “Russia-NATO Joint Missile Defense: Implementing the Decision (East-West Institute Roundtable synopsis)” April 5, 2011 <http://natomission.ru/en/security/article/security/artnews/134/> (последнее посещение 19 апреля 2011 г.)
- ⁵⁰ Gorka-Winter, “New strategic concept”
- ⁵¹ Интервью с французским дипломатом.
- ⁵² Weitz, Richard, “Illusive Visions and Practical Realities: Russia, NATO and Missile Defense”, Survival, 52:4
- ⁵³ Интервью с французским дипломатом.
- ⁵⁴ Thomas Gomart, “NATO, Europe and ‘Russian question’ in “Russian-European relations: between strategic alliances and zero-sum game”, XIIth International Academic Conference on Social and Economic Development, Higher School of Economics, Moscow, April 6, 2011
- ⁵⁵ Интервью с французским дипломатом.
- ⁵⁶ APF, “NATO, Russia missile shields must remain separate: Lithuania”, November 20, 2011
- ⁵⁷ Интервью с немецким экспертом
- ⁵⁸ Интервью с дипломатическим источником
- ⁵⁹ Интервью с французским дипломатом.
- ⁶⁰ Интервью с турецким дипломатом
- ⁶¹ Dmitri Medvevev, “Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation”, November 30, 2010
- ⁶² Интервью с французским дипломатом.
- ⁶³ Интервью с немецким экспертом